

Авторы делают попытку показать, что индская цивилизация — это результат «закономерного прогрессивного развития местных земледельческих культур» (стр. 88, 89). Основным аргументом служат находки в нижних слоях индских городов керамики типа Кветты, Амри и Рана-Гхундай (культуры Синда и Белуджистана IV—III тысячелетий до н. э.). Однако это отнюдь не исключает возможности прихода носителей индской цивилизации из-за пределов Индии. Более точна высказанная в другом месте мысль о значительной роли предхараппской культуры в сложении индской цивилизации (стр. 92). Стремление подтвердить гипотезу об автохтонном происхождении индской цивилизации (хотя ни разу прямо не высказанную) приводит авторов к другому недостаточно обоснованному выводу: «...существование местных вариантов хараппской культуры было связано, вероятно, с тем, что хараппская культура возникла на основе различных, хотя и часто близких в этническом и культурном отношении, племенных групп» (стр. 93). Основанием для этого служат различия предхараппских культур, соответствующих разным центрам индской цивилизации. «Возражает» в данном случае сам индский материал: различия в характере культуры отдельных индских городов не столь велики, чтобы предполагать различную этническую основу культуры отдельных городов.

Настоящий пример приведен лишь с одной целью: проиллюстрировать те трудности, которые стоят на пути ученых, занимающихся вопросами этногенеза. Весьма показательно в этом смысле, что по существу ни одна из древнейших археологических культур Индии до сих пор не может быть с уверенностью соотнесена с каким-либо определенным этносом. Тем более заслуживает всяческого уважения и признания тот огромный труд, который вложили авторы в разработку вопросов истории древней Индии.

Б. Я. Волчок.

«Census of India 1961, vol. 1. Monograph series, pt. VI, N 3. Socio-economic survey report on Chetlat island». New Delhi, 1970, 240 p.

Рецензируемое издание представляет собой монографическое описание населения небольшого острова Четлат, лежащего в Аравийском море. Это описание дается в одном из томов Всеиндийской переписи населения 1961 г. Переписи Индии публикуют, как известно, наряду с чисто статистическими данными обстоятельные всесторонние монографии по отдельным районам. Материалы для настоящего тома собрал и систематизировал Рамунни Наир, а обработал их и подготовил к печати доктор Б. К. Рой Бэрман.

Остров Четлат принадлежит к группе Аминдивских островов, составляющих вместе с Лакадивскими и Миникойскими отдельную административную единицу — союзную территорию — в Индийской республике. Все эти острова расположены западнее южной оконечности Индии. Четлат лежит в 160 милях на запад от индийского города Канна-нор. Площадь его около 100 га. Связь острова с материковой Индией, как и с другими островами, осуществляется на небольших парусных судах — одам. Но в штормовой период юго-западного муссона, с мая по сентябрь, остров практически бывает отрезан от внешнего мира.

На время проведения переписи 1961 г. в единственном поселении острова жило 953 человека (449 мужчин и 504 женщины). Почти все они мусульмане. На Четлате был свой административный центр, 3 сельскохозяйственные фермы, 7 бакалейных лавок, 2 школы (мужская и женская), 2 медресе, 16 мечетей.

Четлат, как и другие острова этой группы, был заселен выходцами из Кералы. Время заселения не выяснено. Легенды возводят его к IX в. Достоверно известно, что в XVI в. островитяне Четлата подвергались пиратским набегам португальцев. С 1799 г. Четлат в составе других Аминдивских островов вошел во владения английской Ост-Индской компании. С тех пор до конца XIX в. никаких переселений на остров не было. Лишь в конце XIX и начале XX в. здесь появились переселенцы. В 1950-е годы отмечена эмиграция жителей Четлата на другие острова.

Основой существования и главным занятием населения острова является возделывание кокосовой пальмы и реализация ее продуктов. Каждое домохозяйство имеет свой участок земли, обычно не превышающий несколько акров, причем половина этих участков — менее одного акра каждый. И только 10% хозяйств владеют участками более 2 акров. Однако не площадь земли, а количество кокосовых пальм на ней определяет благосостояние хозяйства. Всего на острове — около 12 тысяч пальмовых деревьев. Каждое домохозяйство имеет определенное их количество — от 5 до 500 деревьев. Половина хозяйств владеет менее чем 50 деревьями каждое, тогда как 15 крупных хозяйств имеют по 200—500 пальм.

Монокультура кокосовой пальмы определила все хозяйство островитян. Кокосовая пальма дает им копру, койру (волокно кокосового ореха) и пальмовый лист как материал для хозяйственных нужд и плетения различных изделий для внутреннего потребления и на продажу. Скудость пригодной к обработке земли не позволяет им воз-

делывать какие-либо другие культуры. Зерно, овощи, скот, птицу и другие пищевые ресурсы они вынуждены ввозить с материка. Это ставит их в зависимость от внешнего рынка; поэтому они должны иметь свой морской транспорт. Скот (коров, коз) и птицу они привозят для непосредственного потребления и почти не разводят на острове. Не держат молочного скота и не употребляют в пищу молока. В качестве дополнительного средства существования занимаются рыболовством и морским промыслом.

Все эти особенности материальной культуры и хозяйства придают необычайное своеобразие быту островитян Четлата. Но самое интересное в их жизни — это социальное устройство и общественные отношения. Поэтому из всех материалов рассматриваемой книги остановимся на характеристике общественной структуры и социальных отношений в этой сравнительно изолированной от внешнего мира среде.

Будучи мусульманами по религии, жители Четлата тем не менее строго держатся материнского счета родства и, вступив в брак, муж и жена продолжают жить каждый в доме своей матери, где они родились и выросли, т. е. дети всегда остаются с матерью. Мужья навещают ночью своих жен.

Группа кровных родственников по женской линии, обычно возглавляемая старшей женщиной, является низовой социальной единицей и отдельным домохозяйством на острове. Она может состоять из 2—3 человек, чаще — из 5—7, а иногда насчитывает 12—15 человек. Кроме старшей женщины, в домохозяйство могут входить ее сестры и братья, дочери и сыновья, как неженатые, так и женатые. Но руководит и управляет этим домохозяйством обычно старший в группе мужчина. Практически это либо брат, либо сын старшей женщины. Иногда в домохозяйствах живут и мужчины-неродственники, т. е. чьи-то отцы или мужья. Таков состав подавляющего большинства домохозяйств Четлата. Из 59 подробно обследованных домохозяйств только пять имели несколько иной облик. Так, случается, что муж и жена со своими детьми живут вместе. Происходит это в тех редких случаях, когда молодожены выделяются в отдельное хозяйство. Такая ситуация существует обычно не дольше одного поколения. Бывает, что хозяйством руководит не мужчина, а возглавляющая группу женщина. Однако все это отклонения от основного типа домохозяйства.

В книге дается описание обычаев и обрядов жизненного цикла и особенно интересных в данном случае брачных норм и обычаев. Так, брачные запреты распространяются на довольно узкий круг кровных родственников. Чаще всего домохозяйство и является экзогамной единицей. Но допускаются и даже поощряются кросс-кузенные браки с дочерью брата матери и дочерью сестры отца. Интересно это и потому, что брат матери часто является главой домохозяйства, в котором и заключается брачный союз.

Интересна также распространенная в матрилинейном обществе Четлата полигамия, точнее, обычай иметь вторую жену. Обычай этот удерживается даже при относительной свободе разводов (расторгается около 25% браков). Количество разводов заметно возросло в последние два десятилетия перед переписью 1961 г. В мусульманском обществе все это приобретает особое значение.

Изложив позитивный материал, Б. К. Рой Бёрман в заключительной главе подводит итоги, осторожно формулирует некоторые выводы и ставит дискуссионные вопросы. Он признает, что социальная структура изучаемого общества раскрыта неполностью, что многое в нем требует дополнительных исследований, и приглашает ученых высказаться по некоторым методическим и теоретическим проблемам, возникающим при изучении своеобразной общественной организации населения Четлата.

И действительно, упомянув о существовании у четлатцев экзогамных единиц, а также отметив и домохозяйство как экзогамную группу, исследователи не вскрыли родственной структуры изучаемого общества. Отчасти поэтому и возникла в конце книги (в приложениях, где приведены высказывания М. Н. Сриниваса, Б. Мукерджи, Лилы Дубе и Н. К. Бекуры) дискуссия о том, что же такое семья на Четлате и как она соотносится с домохозяйством.

Доверившись далеко не совершенному определению понятия «семья» в социологическом словаре Ферчайлда, Б. К. Рой Бёрман не видит семьи у островитян Четлата. Он пишет, что «типичное домохозяйство на Четлате не может называться семьей», и допускает существование ее не только в качестве функциональной единицы. Само же домохозяйство Рой Бёрман рассматривает как «мозаику, в которой соединены фрагменты многих семей» (стр. 110). Единство этой мозаике, по его мнению, придают: а) общее имя, передающееся от поколения к поколению; б) общая собственность, на которую все члены домохозяйства имеют равные права, хотя отдельные элементы этой собственности находятся в распоряжении замужних дочерей или женатых сыновей из того же домохозяйства, в) функционирование домохозяйства в качестве экзогамной единицы; г) единство в соблюдении ритуалов.

Все это говорится о группе кровных родственников по женской линии. Вместе с тем Рой Бёрман отмечает, что часть доходов поступает от живущих отдельно мужей-женщин этого домохозяйства и, в свою очередь, женатые мужчины уделяют часть своих доходов домохозяйству жены, где воспитываются их дети. И хотя отцы живут отдельно, «они имеют решающий голос в делах воспитания своих детей» (стр. 110) и вообще играют важную роль в домохозяйстве жены. Таким образом, каждое домохозяйство связано с несколькими другими не просто брачными, но социально-экономическими узами. Эти связи так или иначе пронизывают все общество Четлата.

Рой Бёрман указывает на некоторые аналогии четлатским домохозяйствам в *таравадах* — социальных подразделениях наяров Кералы, т. е. населения ближайших районов материковой Индии, но не развивает эту тему. Вероятно, сходство это не случайно, и жаль, что ему не уделено больше внимания в книге. Об этом сходстве говорят М. Н. Сринивас и Лида Дубе в своих замечаниях, опубликованных в приложениях к книге. М. Н. Сринивас детально вник в сущность проблемы и находит, что формальный метод анализа социальной организации при помощи таких категорий, как «структурная единица», «функциональная единица», «культурная единица», помешал автору разобраться в сущности всего явления. А сущность эта, по мнению Сриниваса, в том, что перед нами, как и в случае с таравадом, матрилинейная большая семья. Приведенная М. Н. Сринивасом аргументация кажется нам убедительной.

В книге читатель найдет множество других, не отмеченных нами подробностей хозяйства, материальной культуры, быта, обычаев и обрядов населения крошечного кораллового островка, затерянного в бескрайнем море. Жители Четлата поддерживают регулярные связи с материком, но ни за какие блага не хотят куда-нибудь переселяться. Этот пятачок суши — их родина.

Книгу можно рекомендовать всем, интересующимся географией населения. Она дает интересный материал и для теоретических размышлений над закономерностями развития общественных отношений в особых географических условиях.

М. К. Кудрявцев

Ла Ван Ло, Данг Нгхием Ван. Краткое знакомство с группой народов тай, нунг и тхай Вьетнама. Ханой, 1968, 368 стр. (на вьетнамском яз.)

Среди десятков народов, которые населяют Вьетнам, тайские народы составляют большинство. Они, в свою очередь, подразделяются на три ведущие, основообразующие этнические общности: тай, тхай и нунг. В сфере языкового и культурно-экономического влияния этих народов находятся более мелкие этнические компоненты, такие как каолан, зяй (нянг), санти, лао, лы и совсем маленькие группки вроде тхулао, пазя и нган.

О тай и тхай (в меньшей степени о вьетнамских нунгах) имеется довольно значительная литература. Однако рецензируемая работа, названная авторами весьма скромно, представляет собой, пожалуй, наиболее солидную из имеющихся публикаций.

Книга состоит из двух частей: первая написана Ла Ван Ло (народы тай и нунг), вторая — Данг Нгхием Ваном (народ тхай). В предисловии дается общая характеристика языковой группы тай-тхай. Обширное заключение дает представление о движении этих народов к социализму.

Авторы использовали расположение материала, которое широко применяется в советской этнографической литературе, в частности в серии «Народы мира». Вначале читатель знакомится с процессами становления отдельных национальностей, традициями их борьбы за свободу. Привлекает внимание раздел, посвященный защите и строительству вьетнамского государства народом тхай (известно, что колонизаторы постоянно пытались противопоставить этот народ вьетам и даже организовать особое «тхайское» государство). Эти страницы безусловно помогают правильно понять роль так называемых малых народов в истории Вьетнама. Приведены документы о совместной борьбе тхай и вьетов против нашествия монголо-китайских войск в XIII в. Оба эти народа в XV в. участвовали в восстании Ле Лоя за освобождение страны от господства Минской империи, сражались против европейских колонизаторов в XIX—XX вв.

В последующих главах (как в первой, так и во второй части) материал располагается в такой последовательности: сначала дается характеристика экономики и материальной культуры, затем раскрываются основы общественной организации, анализируются семейно-брачные отношения с большим количеством этнографических деталей, показана обрядность, сопровождающая свадьбы, рождения, похороны. В заключение авторы обращаются к верованиям, фольклору.

Авторы рецензируемой работы особенно сильны в конкретной этнографии. Это и не удивительно, поскольку они описывают народы, среди которых родились и выросли (Ла Ван Ло — тай, Данг Нгхием Ван — тхай). Хорошее образование, знание вьетнамского, китайского и западноевропейских языков, большой опыт полевой работы (в том числе советско-вьетнамских экспедиций по Северному Вьетнаму) позволяют авторам широко привлекать сравнительный материал. Это делает их книгу интересной не только для специалистов, но и для всех исследователей горных народов Юго-Восточной Азии и Южного Китая. Хотя материал в главах расположен одинаково, авторы постарались избежать однообразия. Например, Ла Ван Ло, говоря о земледелии тай и нунгов, акцентирует внимание на сельскохозяйственном календаре, орудиях труда и особенно водомеханических устройствах для полива полей и обработки зерна (стр. 44—49); Данг Нгхием Ван рассказывает о рисоводстве тхай, часто сопоставляя методы и технику выращивания риса с вьетнамскими и китайскими (стр. 167—172).

То же самое относится и к главам, посвященным общественной организации, где у тай и нунг более подробно рассмотрены социальные прослойки (стр. 72—84), а у тхай